

Поскребышева Елена Сергеевна

кандидат политических наук,
старший преподаватель кафедры прикладной
политологии
Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского

**ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ
«ОТВЕТСТВЕННОСТИ СТОРОН»
НА ПРИМЕРЕ
ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО
КОНФЛИКТА**

Аннотация:

Статья посвящена обзору взглядов западных исследователей на грузино-абхазский конфликт. Представлены взгляды на конфликт Грузии (ответственность лежит на России) и Абхазии (ответственность возлагается на Грузию). Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что переложение ответственности на Россию – это одновременно и изменение ее масштабов: ответственность России позволяет не замечать всю сложность отношений Грузии и Абхазии.

Ключевые слова:

межэтническое напряжение, Абхазия, Грузия, Россия, вооруженный конфликт, ответственность сторон.

Poskrebysheva Elena Sergeevna

PhD in Political Science,
Senior Lecturer,
Applied Political Science Department,
Nizhny Novgorod State University

**PROBLEM OF THE PARTIES'
RESPONSIBILITY RESEARCH:
CASE STUDY OF
THE CONFLICT BETWEEN
GEORGIA AND ABKHAZIA**

Summary:

The article reviews opinions of the western researchers on the conflict between Georgia and Abkhazia. The author considers the two ways of the conflict interpretation: when responsibility is conferred either on Russia (Georgia's interpretation) or on Georgia (Abkhazia's interpretation). The undertaken research allows the author to deduce, that making Russia responsible for the conflict is simultaneously the change of its scope, for the responsibility confer on Russia keeps all the complexity of relations between Georgia and Abkhazia out of sight.

Keywords:

interethnic tension, Abkhazia, Georgia, Russia, armed conflict, responsibility of parties.

В современном мире существенной характеристикой вооруженных конфликтов является фактор межэтнического напряжения, что включает в предметную сферу конфликтологии исследование проблем того, как противостоящие стороны приходят к тому или иному видению конфликта, пониманию своей позиции и позиции противника и действительно ли речь идет о противоречиях только двух сторон.

Для исследователей вопросов вооруженных конфликтов анализ понятия «ответственности сторон» является ключевым аспектом. Актуальными на сегодняшний день остаются вопросы взаимоотношений местного населения непосредственно в конфликтах и после них; определения ответственности сторон и факторов, влияющих на примирение. В данном аспекте интересны работы, например, таких представителей западной политологии, как П. Кабачник, Дж. Регульская, Б. Мичнек, в которых исследуется конфликт между Грузией и Абхазией, в том числе уникальный случай переложения ответственности за конфликт: Грузия возлагает ответственность не на вторую сторону, участвующую в конфликте, – Абхазию, а на Россию. Следует отметить, что большое внимание уделяется геополитическим последствиям конфликта, однако мало говорится о мирном населении Грузии и Абхазии и их мнении о сложившейся ситуации

На нынешнем этапе политика Республики Грузия в международных вопросах становится более централизованной. Грузии предстоят большие геополитические изменения, и поспособствовать стабилизации обстановки в регионе может нахождение способов разрешения конфликтов. До войны между Грузией и Россией конфликт между Грузией и Абхазией был малозаметен. О нем говорили только несколько неправительственных ор-

ганизаций, политики, ученые и жители региона. После августа 2008 г. конфликт получил огласку, вышел на международную арену и явился причиной некоторых геополитических изменений. Например, шесть государств признали Абхазию независимым государством, в то время как американский сенат 29 июля 2011 г. вынес решение о поддержке Грузии и о признании Абхазии и Южной Осетии оккупированными Россией.

Как отмечает исследователь О'Лафлин, после конфликтов весьма типично винить другую сторону за развязывание военных действий и противодействие мирному урегулированию кризиса. Но, в отличие от ситуаций, когда одна сторона возлагает ответственность на другую, абхазцы возлагают ответственность на грузин – грузины же возлагают ответственность в конфликте не на Абхазию, а на Россию и в меньшей степени – на грузинское правительство, что является «устойчивой тенденцией» в грузинской геополитической культуре [1]. Такая тактика наблюдается во многих постконфликтных ситуациях, поскольку каждая из сторон излагает собственную версию, в которой агрессия оправдана действиями другой стороны.

Исследования западных ученых свидетельствуют о том, что для примирения образ Абхазии должны разделять абхазцы и грузины [2], и он должен активно внедряться как идеал настоящего и будущего. Так, для грузинских переселенцев Абхазия представляется идеализированным местом, без конфликтов [3], возрождению которого препятствует вмешательство России. Данный образ страны отличается от образа, представляемого абхазцами, – очень личный, национальный. Исследователи выделяют три основных образа Абхазии в представлениях местного населения. Во-первых, это опасное место, ассоциирующееся с агрессией, горем и страхом. Таким это место было в годы войны 1992–1993 гг. Во-вторых, Абхазия представляется местом хаоса и опасности, где нет закона, свободы, безопасности. Особенно это можно отнести к Галскому региону, куда многие беженцы возвратились незаконно. Третий образ – «ностальгический», страны, где царят гармоничные межэтнические отношения. Он основан на воспоминаниях населения и пронизан надеждой его возвращения.

Однако следует отметить, что если образ гармонии и культурного разнообразия – это миф, то таким же мифом является образ непрекращающейся этнической ненависти. Результаты опроса показали, что грузины не демонизируют абхазцев. Причина враждебности двух групп кроется в недостатке взаимодействия и общения между ними.

Западные исследователи Джонс [4] и Броэрс [5] выделяют противоположные точки зрения Грузии и Абхазии на ответственную сторону в конфликте. Во время советского периода Грузия и Абхазия тесно взаимодействовали как в политической, так и социальной сферах. Требования автономии со стороны Абхазии были восприняты многими грузинами как незаконные свидетельства вмешательства России, нацеленные на подрыв суверенитета и стабильности Грузии [6]. Однако Грузия не смогла увидеть, что требования абхазцев в отношении Грузии были схожи с жалобами самих грузин на контроль со стороны России. Таким образом, грузинские власти пытались «свести суть конфликта к историческому и геополитическому противостоянию между Тбилиси и Москвой» [7]. Понижение статуса Абхазии с Союзной Республики до Автономной Советской Социалистической Республики (АССР) в 1931 г. произошло, по мнению ряда ученых, из-за «грузин в Кремле» [8].

П. Маннинг, говоря о протестах в Грузии, происходивших в 2001 г., выделяет тенденцию «параноидальной логики» [9, р. 175]: не просто осмысление мотивов протестов, а осмысление того, какие силы их контролировали. Так, студенческие организации не имели возможности создать мощное политическое движение, поэтому они не признаются «истинной» причиной произошедшего. Точно такой же логикой можно объяснить снятие

ответственности с Абхазии и Грузии и переложение ее на Россию – конфликт пытаются объяснить вмешательством внешних сил. Превращение грузино-абхазского конфликта в грузино-российский возможно при условии, что абхазцы не могли бы самостоятельно вести военные действия, не имели бы своей точки зрения и не требовали бы независимости [10, р. 208]. В сущности, мы наблюдаем установление двойных стандартов в международных отношениях. В этих условиях Россия, как государство мирового значения, не может полагаться только на гарантии, которые она может получить от международных организаций и отдельных внешнеполитических партнеров. России как минимум необходимо сохранить свой силовой потенциал, чтобы обеспечить себе достаточную степень защиты от агрессии со стороны возможных противников [11].

Опросы, проведенные после августа 2008 г., показывают, что враждебность по отношению к грузинам в Южной Осетии не возросла. Более того, две трети опрошенных в ноябре 2008 г. подтвердили, что между грузинами и южными осетинами возможно мирное сосуществование [12, р. 9]. Однако население Грузии, подхлестываемое антироссийскими настроениями со стороны грузинского правительства и СМИ, считали Россию ответственной за развязывание войны 2008 г. [13]. Когда респондентам задали вопрос о главных проблемах, стоящих перед Грузией, третьей были названы отношения с Россией (58,5 %), а четвертой – присутствие российских вооруженных сил (50,2 %) [14, р. 28]. В другом опросе 85 % опрошенных согласились с тем, что «нынешний конфликт – противостояние не между грузинами и абхазцами, а между правительствами Грузии и России» [15, р. 18].

Следует отметить, что после войны 2008 г. в геополитической стратегии Грузии стало нормой называть сепаратистские территории «оккупированными», чтобы заручиться международной поддержкой идеи территориальной целостности Грузии; однако называть Абхазию «оккупированной территорией» – не ново. Еще в 1993 г. грузинские власти объявили, что Россия захватила Абхазию [16, р. 302]. Уже тогда некоторые грузины считали, что грузино-абхазский конфликт произошел по вине России с целью дестабилизировать регион, утвердить влияние России и лишиться Грузии части ее территорий. Как указывает О'Лафлин [17], грузино-абхазский конфликт перерастает в русско-грузинский конфликт. Эту точку зрения поддерживают и грузины, переселенные из Абхазии.

Однако встречаются среди грузин и другие взгляды. Некоторые прямо противоположны доминантному мнению о переложении ответственности за конфликт на Россию. Так, активист борьбы за права человека Пата Закарешвили не согласен с преобладающим в Грузии взглядом на грузино-абхазский конфликт. Он акцентирует внимание на том, что обсуждение путей разрешения конфликта не учитывает точку зрения абхазцев [18] и автоматически исключает их из участников конфликта. Закарешвили подчеркивает, что ответственность за произошедшие события нужно взять на себя грузинскому правительству.

Также идет вразрез с доминантным мнением так называемая «кампания за прощение» («Простите») [19], начатая в марте 2007 г. Грузинским центром по защите прав человека. Она провозглашает идеи создания диалога, признания грузин в агрессии, а также ставит своей целью изменение сложившегося мнения абхазцев о грузинах.

Но, следует подчеркнуть, не считая вышеуказанных исключений, других точек зрения на конфликт, несходных с преобладающей, нет.

По словам историка Теймураза Папаскири, конфликт «был подготовлен Россией с целью наказать Грузию» [20]. С начала 1990-х гг. грузинские политики повторяли, что «абхазская политическая элита, да и все абхазское сообщество в целом, являются марионетками России, лишенными своей воли» [21]. Когда Сухум был захвачен абхазцами, Шеварднадзе заявил, что «конфликт был спровоцирован внешними силами. Сухум можно

было спасти. Россия могла это сделать, и мы обращались к ней за помощью» [22]. Эта идея прослеживается и в словах опрошенных грузинских беженцев, на мнения которых влияет политический дискурс грузинских властей и СМИ.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что разрешению конфликта препятствуют действия России. Однако в словах респондентов игнорируется Абхазия как непосредственный участник конфликта, с интересами которого нужно считаться. Также упрощается геополитическая ситуация на Кавказе, существовавшая в начале 1990-х гг., когда о поддержке Абхазии Россией умалчивалось. Многие исследователи говорят о том, что Россия в 1990-х гг. не всегда поддерживала Абхазию [23; 24]. Как утверждает Корнелл [25], у российской Думы, министра обороны и министра иностранных дел были разные планы в отношении Абхазии, в том числе и поддержка и вооружение как абхазских, так и грузинских сил.

По результатам опроса грузинских беженцев, проведенным «Международной службой предотвращения и разрешения конфликтов» [26], 80 % опрошенных считают, что Россия сыграла «значительную» роль в конфликте, и главной причиной начала грузино-абхазского конфликта назвали «внешнюю провокацию». Две трети респондентов ответили, что на самом деле конфликт был между «Россией и Грузией». Исследователь М. Гроно также отмечает, что «существует тенденция снимать ответственность с грузинской стороны» [27].

Анализируя вышеизложенные позиции, следует отметить, что реальная картина действий в грузинском общественном мнении искажается, что позволяет всю ответственность возложить на абстрактные внешние силы (то есть Россию). Переложение ответственности на Россию – это одновременно и изменение ее масштабов, так как при этом взгляд обращается не на региональный уровень и не на тех, кто участвовал в боевых действиях. Вместо этого конфликт упрощается, и ответственность России позволяет не замечать всю сложность отношений Грузии и Абхазии. Однако нужно отметить, что правительство также поддерживает идею «обвинения России». Хотя грузинское правительство и армия сыграли весомую роль в конфликте, обычные граждане Грузии, даже если они не принимали участие в боевых действиях, не могут винить абхазцев в том, что они отвергают эту точку зрения. При этом утверждая, что Россия создала и контролировала конфликт, они опускают не только участие самих абхазцев, но и те притеснения, что они испытывали как в советскую эпоху, так и в периоды грузинского национализма в 1980-х и начале 1990-х гг.

При изучении грузино-абхазского конфликта точка зрения абхазцев часто не принималась во внимание [28; 29]. В свете наметившихся тенденций по нормализации отношений в треугольнике Грузия – Абхазия – Россия для грузин очень важно услышать версию абхазцев, так как зачастую они и не подозревают, какие мнения доминируют в абхазском сообществе. Более того, и грузинам, и абхазцам необходимо признать точку зрения друг друга для того, чтобы двигаться дальше и найти путь к примирению.

Без взаимного признания этих аспектов сложно представить, что диалог при таких различных взглядах на войну возможен. Как пишет исследователь Н. Акаба, обвинение России в войне «представляет собой серьезное препятствие для осмысления прошлого и создания мирного будущего» [30].

Ссылки:

1. O'Loughlin J. Inter-ethnic friendships in post-war Bosnia-Herzegovina: sociodemographic and place influences // *Ethnicities*. 2010. № 10 (1). P. 26–54.
2. Gegeshidze A. New realities after August 2008 // Gegeshidze A., Haindrava I. *Transformation of the Georgian-Abkhaz Conflict: Rethinking the Paradigm*. London, 2011.

3. Kabachnik P., Regulska J., Mitchneck B. Where and when is home? The double displacement of Georgian IDPs from Abkhazia // *The Journal of Refugee Studies*. 2010. № 23 (3). P. 315–336.
4. Jones S. Introduction: Georgia's domestic front // *Central Asian Survey*. 2009. № 28 (2). P. 93–98.
5. Broers L. «David and Goliath» and «Georgians in the Kremlin»: a post-colonial perspective on conflict in post-Soviet Georgia // *Ibid.* P. 99–118.
6. Cornell S. *Small Nations and Great Powers*. Surrey, 2001.
7. Broers L. *Op. cit.*
8. *Ibid.*
9. Manning P. Rose-colored glasses? Color revolutions and cartoon chaos in postsocialist Georgia // *Cultural Anthropology*. 2007. № 22 (2). P. 171–213.
10. *Ibid.*
11. Поскребышева Е.С., Старкин С.В. Внешнеполитическая стратегия «Союза правых сил» и прогнозы национального разведывательного совета США: сравнительный анализ // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2011. № 2–3. С. 144–148.
12. Sumbadze N. *Georgia Before and After the August War: Report on the Survey of Population: Barometer 2007 and 2008*. Tbilisi, 2009.
13. Gegeshidze A., Haindrava I. *Transformation of the Georgian-Abkhaz Conflict: Rethinking the Paradigm*. London, 2011.
14. Sumbadze N. *Op. cit.*
15. Grono M. *Displacement in Georgia: IDP Attitudes to Conflict, Return and Justice*. London, 2011.
16. Otyrba G. War in Abkhazia: the regional significance of the Georgian–Abkhazian conflict / R. Szporluk (ed.) // *National Identity and Ethnicity in Russia and the New States of Eurasia*. London, 1994. P. 281–309.
17. O'Loughlin J. *Op. cit.*
18. Garb P. The view from Abkhazia and South Ossetia ablaze // *Central Asian Survey*. 2009. № 28 (3). P. 235–246.
19. Кампания «Простите» началась в марте 2007 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apsni.org/intro.html> (дата обращения: 08.01.2014).
20. Otyrba G. *Op. cit.*
21. Akaba N. Introduction: relevance, theoretical and practical value of the study // Akaba N., Khintba I. *Transformation of the Georgian-Abkhaz Conflict: Rethinking the Paradigm*. London, 2011. P. 5–6.
22. *Ibid.*
23. Cornell S. *Op. cit.*
24. Gegeshidze A. *Op. cit.*
25. Cornell S. *Op. cit.*
26. Grono M. *Op. cit.*
27. *Ibid.*
28. Garb P. *Op. cit.*
29. Jones S. *Op. cit.*
30. Akaba N. *Op. cit.*

References:

1. O'Loughlin, J 2010, 'Inter-ethnic friendships in post-war Bosnia-Herzegovina: sociodemographic and place influences', *Ethnicities*, no. 10 (1), p. 26–54.
2. Gegeshidze, A 2011, 'New realities after August 2008', in Gegeshidze, A & Haindrava, I, *Transformation of the Georgian-Abkhaz Conflict: Rethinking the Paradigm*, London.
3. Kabachnik, P, Regulska, J & Mitchneck, B 2010, 'Where and when is home? The double displacement of Georgian IDPs from Abkhazia', *The Journal of Refugee Studies*, no. 23 (3), p. 315–336.
4. Jones, S 2009, 'Introduction: Georgia's domestic front', *Central Asian Survey*, no. 28 (2), p. 93–98.
5. Broers, L 2009, '«David and Goliath» and «Georgians in the Kremlin»: a post-colonial perspective on conflict in post-Soviet Georgia', *Central Asian Survey*, no. 28 (2), p. 99–118.
6. Cornell, S 2001, *Small Nations and Great Powers*, Surrey.
7. Broers, L 2009, '«David and Goliath» and «Georgians in the Kremlin»: a post-colonial perspective on conflict in post-Soviet Georgia', *Central Asian Survey*, no. 28 (2), p. 99–118.
8. Broers, L 2009, '«David and Goliath» and «Georgians in the Kremlin»: a post-colonial perspective on conflict in post-Soviet Georgia', *Central Asian Survey*, no. 28 (2), p. 99–118.
9. Manning, P 2007, 'Rose-colored glasses? Color revolutions and cartoon chaos in postsocialist Georgia', *Cultural Anthropology*, no. 22 (2), p. 171–213.
10. Manning, P 2007, 'Rose-colored glasses? Color revolutions and cartoon chaos in postsocialist Georgia', *Cultural Anthropology*, no. 22 (2), p. 171–213.
11. Poskrebysheva, ES & Starkin, SV 2011, 'Foreign policy strategy "Union of Right Forces" and forecasts of the National Intelligence Council of the United States: A Comparative Analysis', *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Theory and practice*, no. 2-3, p. 144-148.

12. Sumbadze, N 2009, *Georgia Before and After the August War: Report on the Survey of Population: Barometer 2007 and 2008*, Tbilisi.
13. Gegeshidze, A & Haindrava, I 2011, *Transformation of the Georgian-Abkhaz Conflict: Rethinking the Paradigm*, London.
14. Sumbadze, N 2009, *Georgia Before and After the August War: Report on the Survey of Population: Barometer 2007 and 2008*, Tbilisi.
15. Grono, M 2011, *Displacement in Georgia: IDP Attitudes to Conflict, Return and Justice*, London.
16. Otyrba, G 1994, 'War in Abkhazia: the regional significance of the Georgian–Abkhazian conflict', in Szporluk, R (ed.), *National Identity and Ethnicity in Russia and the New States of Eurasia*, London, p. 281–309.
17. O'Loughlin, J 2010, 'Inter-ethnic friendships in post-war Bosnia-Herzegovina: sociodemographic and place influences', *Ethnicities*, no. 10 (1), p. 26–54.
18. Garb, P 2009, 'The view from Abkhazia and South Ossetia ablaze', *Central Asian Survey*, no. 28 (3), p. 235–246.
19. Campaign "Sorry" was launched in March 2007 2007, retrieved 08 January 2014, <<http://www.apsni.org/intro.html>>.
20. Otyrba, G 1994, 'War in Abkhazia: the regional significance of the Georgian–Abkhazian conflict', in Szporluk, R (ed.), *National Identity and Ethnicity in Russia and the New States of Eurasia*, London, p. 281–309.
21. Akaba, N 2011, 'Introduction: relevance, theoretical and practical value of the study', in Akaba, N & Khintba, I, *Transformation of the Georgian-Abkhaz Conflict: Rethinking the Paradigm*, London, p. 5–6.
22. Akaba, N 2011, 'Introduction: relevance, theoretical and practical value of the study', in Akaba, N & Khintba, I, *Transformation of the Georgian-Abkhaz Conflict: Rethinking the Paradigm*, London, p. 5–6.
23. Cornell, S 2001, *Small Nations and Great Powers*, Surrey.
24. Gegeshidze, A 2011, 'New realities after August 2008', in Gegeshidze, A & Haindrava, I, *Transformation of the Georgian-Abkhaz Conflict: Rethinking the Paradigm*, London.
25. Cornell, S 2001, *Small Nations and Great Powers*, Surrey.
26. Grono, M 2011, *Displacement in Georgia: IDP Attitudes to Conflict, Return and Justice*, London.
27. Grono, M 2011, *Displacement in Georgia: IDP Attitudes to Conflict, Return and Justice*, London.
28. Garb, P 2009, 'The view from Abkhazia and South Ossetia ablaze', *Central Asian Survey*, no. 28 (3), p. 235–246.
29. Jones, S 2009, 'Introduction: Georgia's domestic front', *Central Asian Survey*, no. 28 (2), p. 93–98.
30. Akaba, N 2011, 'Introduction: relevance, theoretical and practical value of the study', in Akaba, N & Khintba, I, *Transformation of the Georgian-Abkhaz Conflict: Rethinking the Paradigm*, London, p. 5–6.